

Александр Обухов

ПРОСТИ, ЗАЙЧОНОК

Рассказ

70-летию Победы посвящается

1.

В мае сорок пятого – первом военно-послевоенном месяце – мне исполнилось десять лет. Рос я типичным для военного времени заморышем: ни силой, ни ростиком не удался. Однако, по стечению обстоятельств, оказался в семье старшим, – тятю ещё не демобилизовали, а брата Семшу в апреле призвали в Армию. После его ухода – на руках маленькой шупленькой мамы осталось нас трое: мал-мала меньше. Как ей прокормиться и нас прокормить?..

До призыва в Армию брат помогал маме мыть-добывать из берегов речушки золото, которое обменивалось на бумажные деньги, именуемые: боны. На них-то покупались продукты и какая-никакая одёжка. Тем и жили.

Я не мог заменить брата в работе, не стал маме пособником: у меня не доставало силы поднять ведро с золотиносным песком. Силы не доставало даже поднять заполненную лопату. Я, в основном, полонил грядки и картошку, поливал капусту и огурцы. В свободное время бродил-кружил по тайге, собирал сыроежки, обабки, грузди, а осенью – любимые опята. Иногда в речушке, со странным названием Магызы, удавалось поймать на самодельный крючок рыбёшку: вьюнов или бычков. Но – военные годы, очевидно, не смилостивились не только над детворой, но даже и над рыбками, – в ухе, на дне миски, белели только тонкие косточки, переплетаясь, как белые нитки.

...Собираясь в тайгу, я всегда поглядывал в укромное местечко – в тёмный угол за печкой, где хранилось ружьё двенадцатого калибра. С этим ружьём Семша охотился и зимой и летом, приносил из тайги зайцев и рябчиков. В начале весны, когда появлялись первые проталины, он уходил дальше в тайгу на глухариные токовища. После таких походов брат всегда выкладывал на стол из заплечного мешка одного-двух глухарей. Я боязливо подходил к чёрной птице с огромными пугающими когтями и едва поднимал её. Наступала сытая неделя! – Каждому доставалось по кусочку мяса. И после призыва брата в Армию, мне иногда мстилось-чудилось, что вкусным варевом пахнет из большого чёрного чугуна, так напоминающем глухаря.

...Вот к этому-то ружью, укромно стоящему за печкой и матово поблескивающему в дневном свете, тянуло меня и думалось: «Вот бы с ним на охоту».

2.

Однажды вечером, за ужином «картошка в мундире», мои мысли вернулись к ружью, и я напустился:

– Мам, дай ружьё поохотиться.

Мамина рука чуть зависла, замерла над столом, – картошина выпала из ладони и с глухим звуком расплющилась о столешницу.

– Ты чё удумал? чё удумал? – спрашиваю! Шутка ли дело – оружье?! Не смей даже подходить, а то – я тебе!

– Но мне Семён показывал, как надо с ружьём обращаться. Разреши, мама.

Разговор закончился короткой угрозой:

– Не смей! тебе сказала.

Не получив задуманное ружьё, я по-прежнему полонил, поливал, ловил рыбёшек, собирал грибы, ягоды, – что делать...

Таинственная тайга завораживала, заманивала бродить вдоль и поперёк говорливых ручьёв и ручейков. Она заводила в тёмный, опутанный длинными белёсыми бородами пихтач, где я вспугивал рябчиков; иногда сам пугался от шумно взлетающего и стремительно улетающего глухаря, или от внезапно выскочившего сгорбленного зайца. «Эх! Сейчас бы ружьё...».

3.

В середине холодного октября, днём, выпал первый сухой, колючий, как и воздух, снег. Поздним вечером, в потёмках, пришла, простудно покашливая, мама и устало опустилась у порога на лавку. Я помог ей снять тяжёлые резиновые сапоги, размотал замёрзшие и твёрдые, как берёста, портянки и повесил на верёвку над растопленной печкой. Мама переоделась в домашнюю одёжку, подошла к плите, попробовала приготовленное мною варево – пшённую кашу на воде, подсолила и велела нам садиться за стол. Зажгла в печке лучину, а от неё – стоящую на столе плошку. В полутемноте, молча, поужинали. В мягкой, полудрёмной и тёплой ночной тишине слышалось слабое потрескивание плошки-светильника, слышалось позёвывание братиков.

Мама, вымыла единственную миску и четыре деревянных ложки. Постояв в раздумье, она как-то отрешённо-вяло опустилась на единственную кособокую табуретку; её руки тоже вяло-устало легли на дощатую столешницу. Как будто советуясь с нами, она заговорила:

– Чё, дети, дальше делать будем? чем и как жить? Холод так рано пришёл, руки в воде не джуют. Земля мёрзлая, надо лесины валить для костров-пожогов, оттаивать её...Сил никаких нету. И золото не моется. Чё делать? как зиму прожить? Когда ещё, ох, ваш тятка вернётся?..

От нахлынувшей безысходности, она уронила лицо на руки и заплакала, чего ранее с ней не случалось. Пытаясь отвлечь её от безответных, повисших в воздухе вопросов и желая чем-то помочь, я вернулся к незабываемой просьбе:

– Мама, дай ружьё. Не бойся, – начал я утешительно. – Принесу рябчика или зайца, – еда будет. Разреши, мама.

Она встала из-за стола, положила ладони на мою голову.

–Мал ты шибко, сынок. Рано тебе...

Почувствовав теплоту в её голосе и мягкое, ласковое поглаживание по голове, возразил:

– Нет, мам, я уже большой. Не бойся. Сёмша же учил, как надо с ружьём обращаться.

Мама и видела, и знала, что другие подростки-сорванцы ходят с ружьями в тайгу, что-то приносят, но – то были другие: повыше, посильнее меня и, может главное, постарше. Остатки жира-горючего в плошке догорали, потрескивали, – фитилёк коптил. Ходившая в сумеречном свете мама опустила около стола на лавку и внушительно-тихо сказала:

– Ну, чево уж...если Сёмша учил, – бери. Но шутка ли дело – оружие. Смотри, сынок, осторожнее будь. Помнишь, как в прошлом годе Витька Марин толкнул собаку прикладом взведённого ружья, и дробины – в пах. Спасла шубёшка, дробь-то задержалась ею да ватными стегаными штанами, а то бы... Шутка ли дело – оружие...

Старинный бабушкин сундук, окованный в клеточку тонкими железными полосками, стоял за спиной мамы, она повернулась к нему, откинула тяжёлую крышку, пошарила среди тряпья, – и протянула мне два заряженных патрона... Как два округлых суровых глаза, блеснули их торцы в мерклом свете плошки и погасли, охваченные моими ладошками.

4.

На следующий день, к полудню, я вернулся из школы, поел с белоголовыми братиками полуостывшую картошку «в мундире». Молча, посидел за столом, затем резко поднялся и прошёл к печке – за ружьём. Протянутая ладонь вспугнула крылатую армию тараканов, которые шумно разлетелись по тёплым, тёмным щелям. Плотно охватив ствол ружья, извлёк его из запечья, взвесил-потяжелел в руке. Ружьё было тяжёлым. «Как его буду носить? Сёмша подолгу охотился». Присев на лавку, поднял и осмотрел свои разбитые, в трещинах, с отпадающими подошвами обуви. Для охоты они не годились... Но под лавкой лежали запылённые сапоги брата, они были мне велики, но зато – целые.

Я навернул на ноги побольше тряпья-портянок. Обулся. «Тоже тяжёлые» – подумалось, когда я прошёл к ружью.

Свыкаясь с сапогами, я потоптался у порога, надел телогрейку, шапку, перекинул через плечо ружьё. Братики стояли поодаль и наблюдали за моими приготовлениями. Я наказал им не выбегать на улицу, не студить избу, и вышел на крыльцо.

Передо мной, расположившись стеснённо-скукоженно, виднелись все неказистые избы прииска. Жизнь в них теплилась от добычи золота.

Не более тридцати дворов располагались на косогоре одной улицей, повторявшей изгибы речки. Прииск возник не более десятка лет, и поэтому вековая тайга ещё не была вырублена и местами подступала к самым огородам. В этом-то местечке, окружённом невысокими горами, распадками, протекала небольшая речушка Камзас. Это она-то и её берега, таящие золотиносный песок притянули к себе приискателей. Золото было источником жизни для жителей прииска. Но не лежало оно сплошной рассыпной лентой. И не поставила ни речка, ни её берега вешки-указатели, где лежало золото.

Каждому приискателю надо было методом «тыка» там и сям наткнуться, то есть наткнуться на золотиносный участок.

Сколько времени и труда уходило на поиски!

Безусловно, опытные старатели имели больше понимания в золотиносных породах: по их цвету, сопутствующей глине-синюге и по камешкам кварца – они с большей вероятностью находили золото. Но – не спешили раскрывать свои секреты. Мама тоже кое-что понимала в этом и, тем не менее, не редко брала меня с собой и – заклинала-загадывала «на меня», «на моё счастье» – очередную поисковую попытку. Через эти участия я знакомился и познавал нелегкую жизнь старателей.

Но даже натакавшись на кое-никакое золото, не следовало шибко радоваться: ещё неизвестно, как пофартит. Фарт для старателя – богатая жизнь! Фарт – это находка обильного золота. Одна лопата золотиносного песка могла дать двадцать и более граммов Его – чистого! Но эта удача очень часто обрывалась несколькими лопатами...Как бы ни было, но всегда дружно живущие в обыденной жизни приискатели, одалживая друг другу и продукты и спички, а по весне и сено, – летом растекались вдоль речки и по ручьям подальше друг от друга. Никто не смел заглядывать в обоганительное устройство – лоток. Это был Закон.

Зимой отношения заметно менялись. Замёрзшую землю надо было оттаять, надолбить-накайлить, чтобы набрать золотиносную породу, а затем промыть её в ледяной воде. Землю оттаивали кострами-пожогоми, сложенными из распиленных стволов-деревьев. Свалить лесину в одиночку невозможно, также как и невозможно, по глубокому снегу, принести на костёр сутунок – полутора-двух метровый ствол дерева. Поэтому старатели объединялись в группу по два-три человека, костры разводили поблизости и ночью поочередно дежурили, поддерживая их горение.

В тот памятный день я отчётливо видел со своего крыльца, что невдалеке от берега речки, в очищенном снегом воздухе струился белый дым от костра. Там старалась мама.

Я решил, что по пути в тайгу, хорошо бы зайти к маме. Думалось: «Вот, приду с ружьём, – она увидит меня, обрадуется, что уже не такой я маленький. Не будет переживать-волноваться». Но – приклад тяжёлого ружья почти доставал земли.

Мама, наверное, заполнила ведро, выпрямилась передохнуть. Увидев меня, не обрадовалась, не пошла навстречу. Она поджидала, молча, разглядывала, и по-видимому, оценивала.

– Как же, Коленка, в этих сапогах охотиться будешь? Сколь в них находишь-набродишь?.. Поели – там?.. – осыпала она вопросами и слегка прижала меня к исходящей паром телогрейке...

Я понимал, как тяжело маме добывать золото из промерзшей земли. Я понимал, потому что не мог даже поднять ведро с породой.

– Ладно, мам, пойду, – отстранившись от неё, произнёс будто бы не я, а кто-то другой: старше и решительнее меня.

– Иди с богом, – кротко-коротко напутствовала она.

По ближайшему распадку, по первому неглубокому снегу, я пошёл в горы. Я шёл туда, где ранее неоднократно встречал и зайцев, и рябчиков, и глухарей.

5.

С горной покати, где я остановился, чётко просматривались очерченные вечным снегом дальние вершины гор. Над возвышающей душу чистотой, высоко-высоко в небе, распластались неподвижные тонкие облака, очень похожие на полупрозрачные крылья неведомой гигантской птицы. Я отвёл глаза от божественных картин неба, перевёл взгляд на стоящие шатрами чёрные ели, затем – на кривые шершавые чёрные берёзы, ветви которых свисали, как нити чёрной пряжи. От мрачного увиденного я сжался, съёжился в непонятной боязни. Затем, преодолевая неприятное состояние, снял ружьё с плеча и начал осваиваться с ним. «Надо как по-настоящему» – и, подняв ружьё почти вертикально, прицелился в макушку ели.

Пообщавшись с ружьём «по-настоящему», переломил его и протолкнул в ствол матово-жёлтый патрон. И словно издавдалека, будто бы ветром нанесло: «Смотри, сынок, осторожнее будь».

От предостережения лоб покрылся испариной и, сдвинув шапку, я вытер его рукавом телогрейки.

Оглядевшись внимательнее, я узнал местечко, прошёлся по заснеженной поляне. На снегу были видны отпечатки заячьих и вороньих следов; короткими шашками в неглубокой бороздке отметила себя мышка. Следы зайца уходили в пихтач.

Мне показалось, что зеленолапые пихты немного раздвинулись, и я смело пошёл среди них, в полумраке. Брат учил меня, что надо не просто бездумно бродить по тайге, но следует вслушиваться в её жизнь, в жизнь птиц и зверей – в шорохи, голоса, шум крыльев. Следуя совету, я остановился и начал вслушиваться: не взлетит ли где рябчик или глухарь, не застрекочет ли сорока, извещая живность тайги о моём приходе. Было слышно, как шелестят последние неопавшие листья на берёзах, как мягко шепчутся их вершины, – больше ничего не было слышно. Поправив ружьё, я пошёл по заячьим следам в тёмную тишину тайги. Пихты, кедры, рябинник всё плотнее окружали меня.

...Вот неожиданно процокала белка, и звук очертил её лёгкое, полётное скольжение по стволу и по ветвям кедра.

Но белка мне не нужна, – мы белок не едим. Но я проследил, как ловко она сорвала лапками кедровую шишку, и её скорлупа посыпалась по ветвям и хвое кедра. «Хорошо белке – маленькая. Еды много не надо». Несколько раз невдалеке, то на валежине, то на пеньке замирал вопросительным знаком шустрый округлый бурундучок. «Пузатенький...значит, сытенький, – подумалось мне. – Ну и хорошо». А «пузатенький-сытенький» любопытно-быстро осмотрел меня и, взмахнув на прощанье хвостиком, мгновенно исчез в траве. Бурундуков мы тоже не ели. Да и что в них? – какая еда...

Где же были зайцы? где рябчики? – Я же ходил ранее в этих местах и видел их.

Несколько часов я бродил по разнообразным местам: перелазил замшелые валежины, поднимался и опускался по каменистым балкам и оврагам, проридрался сквозь колючие ветви ельника и шиповника. Приклад и ствол ружья бессчётными тяжёлыми ударами по спине и по ногам неустанно напоминали о себе. Словно чужая тугая кожа, стягивала меня мокрая, потная рубашонка. Голод, приглушенный скудным обедом, сжимал живот. Я иногда спешно срывал немногие сохранившиеся ягоды красной смородины, схватывал их с ладони губами и жевал, жевал... И даже без ягод – мой рот быстро пересыхал, и я гасил жажду, черпая пригоршнями воду из ручьёв, бегущих между уже оледенелых бережков.

Во время непродолжительных передышек мне слышались-чудились вопросы младшего братика: «Сё, Коя, аю видаль? Убегай аяц? Гухаль уитай? Япчик уитай?».

Примстившиеся наваждения-вопросы снова и снова поднимали меня и переносили через кустарник, чащу и овраги, поднимали и опускали по склонам.

...От жалости ли к голодным братикам, от усталости ли, от безнадёжности ли, ото всего ли вместе, – я упал на сухую валежину, молча, размазывая по лицу пот и слёзы. Утешив себя, встал на вялые ноги и отрешённо-безнадёжно, положив ружьё на плечо, пошёл к видневшемуся среди деревьев просвету.

6.

На неожиданно раскинувшейся золотисто-жёлтой полянке, опоясанной редким рябоватым березнячком, я снова остановился передохнуть и осмотреться: где же хожу? С этого ласкового, солнечно-дружелюбного местечка, венчавшего вершину незнакомой горы, виднелись ближайшие тёмные горы, а за ними громоздились синие, а там, вдали, на горизонте, в голубоватой дымке, как бы парили, повиснув в воздухе, вершины гольцов, вечно покрытые снегом. Удивительная картина манила собой, завораживала. Она, словно, вливала силы – вздымала...Мне подумалось, что вот

с тех-то далёких-далёких вершин приходит к нам чистый снег, и дует холодный ветер. Он и сейчас продувал полянку и ощущался под потной телогрейкой. В поисках дороги домой – я начал всматриваться в ближайшие горы и горушки. Передо мною виделась плоская вершина «Второй горки», как её называли, она отделяла меня от прииска, избы которого были видны. Казалось, что выбеги сейчас братики на улицу, – я бы увидел их. Слева, в распадке, струился-кудрявился дым костра-пожого, – там была мама...

Последний переход по цепкому смородишнику вымотал, обессилил меня. Но близость дома и мамы утешила меня, – я бездумно-устало сел на траву, припал спиной к стволу берёзки и подставил лицо под ещё тёплые лучи уходящего солнца.

...Потрескивание старого, сухопарого багульника прервало начавшееся короткое забытьё, насторожило меня. Стряхнув остатки полудрёмы, я взял прислонённое к берёзке ружьё и взвёл курок: вдруг стрелять придётся... Настороженность и внутреннее напряжение возрастали во мне. Кто-то же продолжал двигаться, – кусты приглушённо потрескивали со стороны леса в мою сторону, к полянке.

...Что-то большое выметнулось из кустов неожиданно. Напряжение и курок сработали, – раздался выстрел. Я ощутил, будто кто-то сильный ткнул костлявым кулаком в плечо, резкая боль пронзила меня, но я устоял и заметил: что-то упало и осталось лежать.

Боль от удара в плечо, грохот впервые произведённого выстрела, удушливый запах чёрного чадного дыма – всё помутило во мне, и я на мгновение позабылся...

...Очнувшись от неладного состояния, увидел, что шагах в пяти, лежит заяц. Бросив ружьё, я побежал к добыче... На белоснежной шубке проступали и расплывались красные пятна, зайчишка скрёб передними маленькими лапками по сухой траве, пытаясь подняться, – и не мог. Задние лапки лежали неподвижно, из них каплями падала кровь. Мне стало жалко красивого пушистого маленького зайчонка, я поднял его за передние лапки, прижал к груди вздрагивающее живое тельце, – и побежал к маме. «Мама! – она, конечно же, что-нибудь придумает, сделает и спасёт этого беззащитного, нежного зверька, доверчиво-спокойно лежащего в руках. Быстрее! быстрее к маме!», – мысленно подстегнул себя и побежал... Очень быстро побежал, очень... «Ох, эти тяжёлые сапоги». Я остановился передохнуть... и сбросил их. Ногам, всё лето не знавшим обуви, было не привыкать к сырой холодной земле. Взглянув на зайчонка, заметил на спинке новые кровавые пятна, а облегчённые ноги, не разбирая дороги, напрямик несли и несли меня к маме. Тёплый комочек заметно тяжелел, и почти не чувствовалось подрагивания тела. У меня снова перехватило дыхание, я остановился, и, приблизив губы к самому ушку зайчонка, тихо-тихо попросил:

– Зая миленький, потерпи... не умирай.

Он, наверное, услышал меня, чуть-чуть приподнял головку и сразу уронил. Из его необычного красного глаза выплыла большая слеза, и глаз – закрылся...

Возможно, что на белоснежной шерстке проступали новые кровавые пятна и растекались старые, – я этого не видел. «Беги! беги!» – непрерывно напоминало сердце, прыгая где-то у горла.

7.

Я выскочил из-за плотных чёрных кустов черёмухи на прибрежную полянку и увидел маму. По тому, как она резко отбросила из рук лопату, понял, что она тоже увидела меня, бегущего без ружья, неестественно согнутого и разутого. Звук того единственного выстрела, слышанного ею, сейчас, по-видимому, вторично ахнул для неё однозначно – уже трагически: «Сынок поранился», – и она через речку бросилась на помощь.

Почти добежав до мамы, я остановился, выпрямился и, разогнув руки, протянул ей то, что, может, ещё час назад было резвым, прыгающим живым зайчишкой. Сквозь сплошные кроваво-красные пятна лишь кое-где светилась, белела шерстка. Я посмотрел на свои тоже кроваво-красные ладони... Они на глазах начали увеличиваться и превращаться во что-то живое... В сгущающемся вокруг меня мраке это что-то разрасталось, разгоралось, как рыхлое огненное существо, а из него, извиваясь, протянулись ко мне пять трубок-щупалец и охватили меня. Сознание мутилось, терялось, но я ещё чувствовал себя и, преодолевая мучительно-болевое состояние, проговорил:

– Мам, за-ю спаси... Я сл-слу... чай...

Я слышал свой голос, но он показался мне отдалённым и чужим.

В непроглядной темноте багово-красное существо не покидало меня: слизистые щупальца овивали меня и душили, а присоски, то втягивали и разрывали кожу, то прожигали её.

...В школу я пошёл через две недели после случившегося. Больным себя не чувствовал. Но меня по-прежнему – перед сном – посещала ласковая бабушка-соседка. Она доставала из печки раскалённые угольки, бросала их в стакан с водой, и они, как будто от боли, резко вскрикивали и медленно затихали. До меня доносился молитвенный наговор, который бабушка шептала над водой. После совершенного таинства – она обрызгивала моё лицо водой и мягкими нежными ладонями, отирала его. По-видимому, бабушка знала, что болезнь держит меня.

...Не нашла ли тогда мама ружьё в лесу или обменяла его на продукты, – не знаю, но ружья в доме не стало, и никто никогда не упоминал о нём, как и о моей первой охоте.

...Прости, заяц.